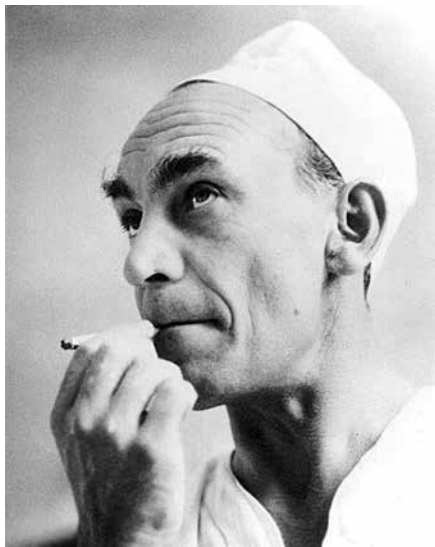

Сергей Николаевич Федоров (1925–1995) К столетию со дня рождения выдающегося нейрохирурга

Sergei Nikolaevich Fyodorov (1925–1995)
On the occasion of centenary
of the birth of the exceptional neurosurgeon

Сергей Николаевич Федоров — выдающийся нейрохирург, самобытная личность — несколько десятилетий наряду с немногими коллегами был гордостью современной нейрохирургии СССР и России. Можно вспомнить о его регалиях, но они отступают на второй план перед хирургическим талантом и необыкновенными человеческими достоинствами. Он был профессором, доктором медицинских наук, лауреатом Государственной премии СССР, заслуженным деятелем науки России... Руководил 25 лет онкологической клиникой Института нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко, где создал школу базальных нейрохирургов. Однако мои заметки — воспоминания о Сереже Федорове, ибо для меня он всегда был и остался Сережей. И пишу я о нем, как о друге, а не его биографию и тем более не некролог.

...Внезапная полостная операция с осложнениями, так свойственными врачебному сословию, дала время перебрать всю прошедшую жизнь и вспомнить все не отданные на этом свете долги. Сережа Федоров ушел из жизни 22 ноября 1995 г., ровно за пять месяцев до моей операции, когда мне вернули жизнь вместе с необходимостью выполнять обязательства, взятые на себя самим... Дата его смерти сделала число 22 для меня несчастливым.

...В полудреме лежу на пустынном пляже ялтинского дома творчества «Актер». Под дуновения ветерка и ритмичный шум прибоя загораю под жгучими лучами родного крымского солнца. Приятная процедура, особенно после больничной койки. Цель моя не просто загореть, но и как-то декорировать, скрыть «елочку» — длинный сизый рубец с симметричными веточками от швов. Боже, как мне повезло! Сереже — не повезло...

Как я люблю его и как мало знаю о нем. Станным даже мне самому кажется это признание. Ведь 37 лет мы с ним были знакомы, 33 года дружили. Столько вместе испытали и пережили! Но он был малоразго-

ворчив, а я не лез ему в душу. Мог только наблюдать и по поступкам да немногим словам судить о прошлом и глубинных пластах этой сильной натуры.

Сережа не имел стремления произвести впечатление, но всегда его производил — первое отличительное качество истинно незаурядной личности, независимо от профессии, регалий, должности, возраста. В нем было то, что называется обаянием человека.

Длинный, жилистый, с худым четко очерченным лицом, пронизательным взглядом чуть насмешливых, с лукавинкой глаз из-под густых нависших бровей, с зачесанными назад темными волосами, высоким лбом, сложными завитками сизоватых от курения ушей, породистым носом, большим ртом в обрамлении тонких губ с вечной сигареткой. Обычно суровый, даже мрачноватый, он очень светло, как-то по-детски смеялся... Таким я впервые увидел Сережу в октябре 1958 г., и таким он оставался до конца своих дней, хотя еще больше усох, побледнел, добавилось бороздморщин, поседела и поредела шевелюра. Возраст, болезнь, обстоятельства меняют нас всех.

Сережа уже тогда был кумиром молодых нейрохирургов. За все безотказно брался, во всем был умен и удачлив, всем щедро помогал. К нему тянулись и Саша Коновалов, и Юра Филатов, и Тэд Корженевский, и Витя Салалыкин, и Валера Корниенко. Поучиться у Федорова было чему. А учил он всегда просто, предметно, толково объясняя, показывая все своими золотыми руками. Головастый и рукастый Сережа оказался у истоков внедрения в институте прямой вертебральной ангиографии (и выполнял ее лучше всех), трахеотомии, стереотаксических и сосудистых операций. Вместе с Борисом Григорьевичем Егоровым создавал новый нейрохирургический инструментарий. Он был из тех, кто нещадно себя эксплуатировал.

Профессор Григорий Павлович Корнянский, руководитель отделения, где работал Сережа, пожалуй,

*Сергей Федоров на 2-м Украинском фронте. 1944 г.**Sergei Fyodorov at the 2nd Ukrainian front. 1944*

первый из старшего поколения оценил мануальный талант молодого нейрохирурга. Исходя из интересов больных и своих собственных, он стал поручать Сереже свои операции. Вскоре Федоров вошел в число сильнейших нейрохирургов — сначала клиники, а затем и института.

В 1966 г. Александр Иванович Арутюнов назначил Сергея Федорова руководителем нейрососудистого отделения. Но еще до этого Сережа фактически стал создателем нижегородской школы нейрохирургов. Как возможно, работая в столице, воспитывать нейрохирургов в провинции? Я причастен к этому и могу рассказать подробней.

Закончив аспирантуру по неврологии в Институте нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко и защитив кандидатскую диссертацию, я остался без работы. Отсутствие прописки и некоторые другие факторы воспрепятствовали моему устройству в Москве. Единственный из аспирантов и ординаторов института я поехал в провинцию. Но и там меня упорно никуда не брали — Симферополь, Курск, Калинин, Иваново, Рязань, Ярославль, Горький — во всех этих университетских городах, хотя и под разными предложениями, я получил отказ в приеме на работу в медицинские институты.

Попытался устроиться в родственный ленинградский нейрохирургический Институт им. А.Л. Поленова, директор которого профессор Вениамин Михайлович Угрюмов очень хорошо меня знал. И все-таки взять не решился. Видимо, его напугал фельетон

в «Медицинской газете» об академических аспирантах с характерными фамилиями, желающих во что бы то ни стало зацепиться в Москве: среди героев был упомянут и я.

И только директор горьковского Института травматологии и ортопедии профессор Михаил Григорьевич Григорьев, узнав, что я столичный кандидат наук, прошедший настоящую неврологическую школу в нейрохирургии, не раздумывая, сразу предложил мне место старшего научного сотрудника. В Горьком по решению Минздрава России открывался межобластной нейрохирургический центр, и я был здесь очень кстати.

Дело было по мне, но ситуация оказалась странной и сложной. С одной стороны, молодые способные хирурги и травматологи с желанием оперировать на головном и спинном мозге, но, по существу, без нейрохирургических навыков и тем более школы. С другой — пожилой руководитель, фронтовой хирург, травматолог и ортопед с большим стажем, но не владевший неврологией.

В создававшемся центре я старался заложить воспринятые мной принципы работы московского Института нейрохирургии. Я мог научить топической диагностике, основам ведения нейрохирургических пациентов, добиться комплексности в обследовании больных — появились нейроофтальмолог, отоневролог, нейрорентгенолог, нейропсихолог, психиатр, нейрофизиолог, нейроморфолог. Но научить оперировать как надо, понятно, не мог. А это в конечном счете — самое важное, самое необходимое для нейрохирургической службы. Вместе с коллегами я ставил диагноз, а результаты оперативного лечения, особенно в нейроонкологии, нередко разочаровывали нас, и прежде всего страдали больные.

Стокоечная клиника, 10 молодых нейрохирургов, для которых нужен учитель, нужна школа. Сложилось так, что руководитель нейрохирургического центра ушел в затянувшийся творческий отпуск для завершения докторской диссертации. На меня возложили его обязанности. Руки были развязаны, и я, никого не обижая, мог действовать на свой страх и риск.

Сначала, думая только о больных, отправлял все сложные случаи в Москву. Потом, думая о будущем нейрохирургического центра и о тех же больных, стал приглашать на операции в Горький мастеров из Москвы. Так сказать, метод предметного обучения на месте. Только в 1964 г. у нас побывали Н.М. Волынкин и М.А. Салазкин, С.Н. Федоров и Ю.М. Филатов, Г.А. Габибов и Н.Я. Васин, Н.С. Абаимова и А.Л. Кадин. Мы подбирали для операций трех-четыре пациентов, наши нейрохирурги ассистировали москвичам, овладевали техникой мозговых операций, могли сравнивать варианты решений и доступов, воочию видеть работу старших коллег, соприкоснуться с достигшими вершин нейрохирургического мастерства, стремиться к совершенству.

С.Н. Федоров с сотрудниками своей клиники. Октябрь 1995 г.

S.N. Fyodorov with employees of his clinic. October 1995

Московские коллеги и наставники, несмотря на свои дела и заботы, сразу откликнулись на мои просьбы приехать в Горький. И самым легким на подъем, самым безотказным оказался Сережа Федоров. Может быть, я злоупотреблял этим: с 1964 по 1967 год (до своего отъезда в Алжир) Сережа приезжал к нам оперировать раз двадцать. Он стал моим ближайшим другом.

Всем Федоров пришелся по душе. К нему привыкли, к нему тянулись и, главное, у него учились. Он многое привил молодым, показал планку высоты большого нейрохирурга. Сережа — первый настоящий учитель нижегородских нейрохирургов — выпестовал свою школу в Горьком раньше, чем это ему удалось в Москве.

Обычно Сережа прилетал, пользуясь санавиацией, это была самая удобная форма вызова. Из аэропорта — на машине скорой помощи прямо в клинику. Мы докладывали ему о больных, показывали анализы, ангиограммы. Как правило, он соглашался с диагнозом. Тут же начиналась операция, к которой больной был подготовлен.

Сосредоточенный, немногословный, Сережа работал быстро. Любые задержки раздражали его. Впрочем, если его спрашивали о чем-то по ходу хирургического вмешательства, он подробно отвечал ассистенту. Федоровский темп был легко объясним. Он считал, что чем быстрее сделана операция, тем лучше перенесет ее больной. Удивительно точно выходил он на опухоль, почти всегда успевал в самом начале остановить кровотечение и как-то, я бы сказал, артистично удалить новообразование. Впрочем, бывали и накладки,

С.Н. Федоров и Ф.А. Сербиненко. 1980-е гг.

S.N. Fyodorov and F.A. Serbinenko. 1980s

они неизбежны в работе нейрохирурга. Но как из них выходил Федоров?

У молодой женщины после рождения ребенка развились глухота на левое ухо, шаткость походки, миопопадание и другие мозжечковые и стволовые симптомы. Диагноз невриномы VIII нерва ни у кого не вызывал сомнений, с ним согласился и приехавший Федоров. Операция, латеральный подход к мостомозжечковому углу, и — все удивлены и обескуражены — нет опухоли. И сегодня случается такое, а тем более бывало в докомпьютерную эру.

Тем не менее я был убежден, что опухоль есть и, если бы оперировал не Федоров, не поверил бы в ее

отсутствие. Однако в Сереже я не сомневался. Казалось, надо сворачивать операцию, чтобы не принести пациентке вреда. Но Федоров чувствует, что опухоль рядом, и движется дальше щупом для пункции левого полушария мозжечка. В глубине ощутил знакомое ему сопротивление бластоматозной ткани. Я знал: последует рассечение мозжечка, и это уже хирургическая агрессия с вероятными клиническими издержками. Волнуюсь, а вдруг опять Сережа не найдет опухоль. Но он решительно вторгается в мозжечок и где-то далеко у самого ствола обнаруживает вдавшуюся в него медиальную невриному. Радикально удаляет ее. Пациентка поправилась, мозжечковые нарушения со временем сгладились.

Каждая, даже самая удачная операция давалась ему нелегко. Он не показывал этого, но думал о прооперированном больном и днем, и ночью. Сережа всегда останавливался у меня, и я нередко заставлял его курящим и смотрящим в ночное окно. Дежурные врачи были им предупреждены: при малейших сомнениях присылайте скорую. Но порой он не выдерживал и просил меня узнать, как больной. Телефона в квартире тогда не было, и я, выполняя его просьбу, выбегал к ближайшему уличному автомату. Он, казалось, успокаивался.

Оперируя больных и обучая наших нейрохирургов, Сережа одновременно здорово помогал Институту нейрохирургии с инструментарием. Дело в том, что в Горьковской области находятся 2 крупнейших в России медико-инструментальных заводов — Ворсменский и Тумботинский. Практически все скальпели, зажимы, коловороты, трепаны, ножницы, шприцы, пункционные иглы, держатели, лопаточки, кусачки, пилы Джилли и иной хирургический инструментарий давали стране Ворсма и Тумботино. Особую ценность представляли и комплектовавшиеся в Ворсме большие нейрохирургические наборы. Понятно, что у нас сложились с инструментальщиками и их начальством прекрасные отношения, основанные на взаимопомощи и просто человеческих симпатиях. Мы никогда не отказывали им, а они никогда не отказывали нам. По обеспеченности инструментарием нижегородские нейрохирурги были первыми в стране.

Я обрадовался, когда директор Института нейрохирургии А.И. Арутюнов попросил посодействовать в получении большой партии «железок» и прислал за ними Сергея Федорова. Запасшись безотказным медицинским спецсредством, на больничной «Волге» Сережа, Саша Фраерман и я тронулись в Ворсму и Тумботино.

Стоял июль. Путь лежал через леса, поля, перелески, живописные деревеньки. Холмистые просторы радовали взгляд и влекли к душевной беседе. Незаметно пролетели десятки километров. Уже недалеко от Ворсмы, когда мы проезжали красивое село с полуразрушенной церковью над речкой, Сережа задумчиво

Сергей Федоров (слева) и Юрий Филатов. Конец 1980-х гг.
Sergei Fyodorov (left) and Yuri Filatov. Late 1980s

произнес: «Хорошо бы тут попить парного молочка». Его внезапно возникшее желание удивило меня: настолько несвойственно это было для него.

Мы осмотрели и Тумботинский, и Ворсменский заводы, побывали в цехах, поговорили с директорами и главными инженерами. Те пошли нам навстречу, пообещав сразу же после оплаты Москвой счетов вне лимита выслать большие партии инструментария. Но Сереже для операционных института нужно было все немедленно, сейчас.

Обратились на Ворсменском заводе к одному пациенту — начальнику ОТК. Он-то понимал, зачем нужны «железки» и почему так срочно. Опыт такой помощи медикам у него был. Позвал мастера сборочного цеха. Вошел крупный с обветренным лицом дедина. «Знакомьтесь — Юра Юров, а это — наши друзья-земляки и нейрохирург из Москвы, — представил начальник ОТК. — Помогите им, Юра». — «Хорошо. Только надо подождать. Посмотрю у себя, пройду по цехам». Часа через два багажник нашей «Волги» был загружен нейрохирургическим инструментарием. Сережа улыбался, благодарил. Мы с Сашей радовались и тоже благодарили.

«А не подвезете ли, доктор, меня домой? — обратился к нам Юра Юров. — Смена моя закончилась, живу недалеко». Мы были рады хоть чем-то удружить ему. Покатали. Минут через десять показалось понравившееся Сереже село. «Здесь мой дом, — сказал Юра. — А вас прошу ко мне в гости. Попьем парного молочка да поедим молодой картошки с огурчиками». «Сережа, чудо, твоя мечта сбылась», — улыбнулся я другу. И Сережа, и Саша сказали, что именно этого они хотели.

Все вместе мы ввалились в деревенский дом. На столе стояла крынка с парным молоком, из печи жена Юры вынула чугунок с молодой картошкой, принесла малосольных огурчиков и свежей зелени. Мы

выложили свои запасы — пару банок консервов и пузырек со спиртом. Сразу почувствовали себя голодными, и пиршество началось. Всласть попили молочка, наелись, выпили, разомлели, а потом разговорились о жизни. Я поражаюсь меткости и глубине суждений Сережи. Когда он говорил, спорщики умолкали, чувствовался лидер. Расстались с Юрой друзьями.

С тех пор еще много раз мы с Сережей бывали в Ворсме. И всегда заезжали в приветливый дом Юры Юрова. И все повторялось.

Огромная нагрузка и ответственность, ложившиеся на Сережу в те два-три дня, которые он обычно проводил в нейрохирургическом центре, требовали релаксации. Вечерами мы шли в гости. Порой ужинали в «поплавке» на Нижневолжской набережной, легкое покачивание и бесконечное движение воды успокаивали и отвлекали. Если день выдавался жарким и мы освобождались пораньше, переплывали на катере через реку — на малолюдный заволжский пляж.

Однажды Сережа, Юра Филатов и я заплыли на песчаный островок — один из тех, которые вдруг почему-то образуются посреди реки и так же неожиданно исчезают. Сережа сел у заостренного, как нос у корабля, конца острова, опустил ноги в воду и закричал: «Ребята, глядите — одна нога в Волге, другая в Оке!» Это было правдой: сливаясь, обе реки еще долго сохраняют каждая свое течение и свой цвет воды — голубой у Волги и серый у Оки. Вернувшись в город, мы поднимались на Верхневолжскую набережную, прохлаждались мороженым на веранде «Чайки» и любовались закатом над Волгой и далями.

Лишь однажды Сережа приехал ко мне в Горький не по хирургической или инструментальной надобности. Дело было так. В мае 1972 г. я завершил свою докторскую диссертацию, посвященную фазности течения и принципам клинического распознавания гистобиологических качеств опухолей головного мозга. Предстояла, как и положено, апробация на ученом совете Института травматологии и ортопедии, где я работал. Необходимы были три рецензента. Тогда в Горьком имелся лишь один доктор медицинских наук — нейрохирург из травматологов-ортопедов, к тому же он являлся членом Совета. Итак, первый рецензент обозначился.

«А судьи кто?» Мне, естественно, хотелось, чтобы многолетний труд оценили те ученые, которые специально «сидят» на опухолях головного мозга. Сережа, увы, отпадал по чисто формальной причине — он был пока кандидатом наук. А вот мой друг Коля Васин, недавно защитивший докторскую диссертацию по опухолям височных долей, представлялся идеальным базисным рецензентом — нейрохирургом. Еще нужен был третий рецензент — невролог. Разумеется, выбор пал на моего другого московского друга Колю Смирнова. В доброжелательности и, что немаловажно, мобильности друзей я был уверен. Но не меньше,

а, пожалуй, еще больше требовались их компетентность в анализе моего исследования и адекватная критика, чтобы не было стыдно выходить на официальную защиту в alma mater — Институте нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко Академии медицинских наук. И я поехал в Москву все согласовывать.

Первым, к кому я зашел, был Сережа. Изложил ему ситуацию. Он задумчиво помолчал и сказал: «Годится. А рецензентов тебе я привезу сам. И надежней, и дешевле». Я был растроган заботливостью друга, ведь я ни о чем его не просил. Мне и в голову не приходило такое — срывать его с работы, гнать за полтысячи километров машину. Я ответил: «Сережа, не беспокойся. Куплю билеты на поезд. Ночь у Коли в Нижнем. Нет проблем». — «Не дури, Лихтерман, жди гостей». Сережа часто называл меня и других по фамилии, откуда эта привычка пришла к нему, не знаю. Может, от службы в армии, может, от папы-капитана.

Апробация была назначена на 13 июня. Гости приехали накануне — 12-го вечером. Сережину «Волгу» поставили под окнами моего дома. После ужина развел друзей по своим «апартаментам»: Сереже и его жене Зине отвел большую комнату, Колям — маленькую, сам лег в кухне на раскладушке. Не спалось. Заглянул к Колям. Коля Васин стоял у раскрытого окна, смотрел на июньские звезды и вдыхал ароматы расцветающих лип. Коля Смирнов склонился над столом, дописывая отзыв. Я возвратился на кухню, стал мысленно проговаривать свой доклад и провалился в сон.

На ученый совет публики собралось больше, чем обычно. Докторские диссертации тогда были редки, а приезжие светила из Москвы создавали особое притяжение. Увы, я перегорел. Превратил энергичный доклад в затянувшуюся лекцию, в которой потонули и смысл, и новизна диссертации. Поверхностный отзыв местного оппонента лишь усугубил ситуацию. Однако глубокие, аргументированные и яркие выступления нейрохирурга Николая Васина и невролога Николая Смирнова, в которых все акценты, включая немало критических замечаний, были расставлены по местам, спасли мою диссертацию от поражения. Сережа на ученом совете молчал, однако я чувствовал его неудовлетворенность. Потом он сказал мне: «Леня, сегодня ты до себя не дотянул». Друг был прав.

Но вечером нам всем было хорошо — и Сереже с Зиной, и Колям, и мне. Коля Васин приготовил великолепную солянку, я выставил лучшее из своих винных запасов. После трудного дня мы с удовольствием ели и пили, радовались, смеялись, наслаждались дружеским общением. Потом мы пошли на закатный Откос, спустились к реке. Коля Васин и я нырнули в ночную Волгу. Течение понесло нас, жизнь казалась прекрасной. Сережа курил, улыбался, и, хотя обрывал мои выражения признательности, чувствовалось — был доволен удавшимся путешествием, столь значимым для меня. Поздним утром он увез друзей в Москву.

Посиделки на даче С.Н. Федорова. Справа на фото – Т.О. Фаллер и Н.С. Абаимова. Абрамцево, август 1995 г.

Gathering at S.N. Fydorov's dacha. On the right in the photo: T.O. Faller and N.S. Abaimova. Abramtsevo, August 1995

Сережа был надежным, удивительно безотказным и деликатно-трогательным другом. Дружбу он никогда не декларировал, а всегда подтверждал конкретными делами.

В Горьком было плохо с продуктами. Он знал, что я, бывая в Москве, каждый раз до изнеможения бегаю по магазинам, стою в очередях, чтобы привезти домой как можно больше дефицитных продуктов.

Приезжаю однажды в институт, меня останавливает Сережа и ненавязчиво говорит: «Я тебе припас оковалок мяса. Если не надо – возьму себе». Полпуда говядины без костей подвез мне Сережа к поезду. В другой раз он где-то отыскал парных цыплят. «Только не морозь их, Ленья», – напутствовал Сережа.

В Москве тогда была распространена система заказов, в которые по дешевым ценам включали дефицитные продукты. Как-то перед маем я попросил Сережу: «Если удастся, получи для меня заказ к празднику». Запомнился огромный ящик, в котором, казалось, лежало все, что невозможно было тогда достать в магазинах: и карбонад, и шейка, и копченый язык, и балык, и баночка икры, и набор редких конфет, и растворимый кофе, и зеленый горошек, и молоденькие огурчики...

Когда у Сережи появилась благодарная успешно прооперированная пациентка, работавшая в закрытом распределителе, стал брать туда и меня. Романтика: в условленный час въезжаем во двор в центре Москвы, спускаемся в не обозначенный вывеской полуподвал. Глаза разбегаются от редкостного изобилия деликате-

сов и простых, но дефицитных продуктов – выбирай что хочешь, только знай меру да не тяни время. Я благодарно смотрю на Сережу и горделиво улыбаюсь, представляя изумление жены. Впрочем, она сама испытала бытовую помощь моего друга, когда поехала в Москву за сантехникой. Сережа сумел найти желанный компакт и какими-то ему ведомыми путями сумел провезти его к Ярославскому вокзалу сквозь перекрытые по случаю похорон К.Е. Ворошилова улицы.

Сережа никогда ничего не жалел для друга. Однажды так сложились обстоятельства, что я был вынужден попросить у Сережи его неврологический молоточек. Он посмотрел на меня, все понял и отдал навсегда.

Конечно, и я пытался быть полезным другу, угадать его желания. Знал, что он любит свежую рыбу. Помню, как-то в мае мне принесли только что пойманную стерлядь с икрой. Обложив ее крапивой, я тут же помчался из Горького в Москву – обрадовать друга.

Сам Сережа был гордым и стеснительным одновременно. За 30 лет дружбы лишь несколько раз он в сослагательной форме обратился ко мне за поддержкой. Для меня это было больше, чем приказ. Я во что бы то ни стало стремился выполнить просьбы друга. Крайняя необходимость, заставлявшая Сережу писать или звонить мне, была связана с его «Волгами», старой и новой, точнее с запчастями (а я, напомним, жил в Горьком и, конечно, консультировал в медсанчасти автозавода).

Многие годы Федоровы жили тесно – сначала у родителей в Сокольниках, затем Сережа, Зина и две

их дочери — в двухкомнатной хрущевке с «гаванной» (так называли санузел, совмещенный с ванной) на Трифоновской. Но как-то А.И. Арутюнов и Сережа удачно прооперировали жену маршала А.М. Василевского. Сотрудники Сережиного отделения подсказали маршалу, как лучше всего отблагодарить нейрохирурга. Моссовет прислушался к ходатайству знаменитого полководца, и в 1970-х годах Федоровы переехали в трехкомнатную квартиру на Преображенке.

Дом Федоровых был гостеприимен, полон родственников, друзей, просто знакомых. Как они это все выдерживали, представить трудно. Я сам часто ночевал у Федоровых — и на старой, и на новой квартире. Как-то раз, опоздав на поезд, я оказался без крова. К кому же из друзей без звонка явиться поздним вечером — конечно, к Сереже. Приплелся, а дома никого нет; сел у двери да уснул. Так они меня и застали, когда вернулись домой.

Любимое место у Сережи было за столом на кухне. Обычно мы там и сидели, до ночи вели разговоры и о нейрохирургии, и о коллегах, и о жизни вообще. Неторопливо выпивали. Сережа предпочитал выдержанный коньяк или хорошую водку. Закусывал мало. Я ел больше. Ранним утром Зина готовила яйца всмятку (с учетом Сережиной язвы) и кофе. Потом мы ехали в институт, Сережа вел машину молча, сосредотачиваясь перед операциями. Я чувствовал это и не задавал лишних вопросов.

Есть жесткая русская пословица: «У погоста живя, обо всех не наплачешься». Этой горькой истине хирургов учит сама жизнь. Даже самым лучшим и самым талантливым из них приходится провожать больных в мир иной чаще, чем обычным людям. Мастерству человека нередко противостоит природа. И многие из врачей — в ущерб себе — сохраняют способность к полной мере сострадания.

Вспоминается такой эпизод. Однажды мы с женой были приглашены в гости к Федоровым. Явились в назначенный срок, но Сережи не было дома. Не приехал он и через час, а когда, наконец, явился, был невесел и сказал только, что делал сложную операцию. Застолье не клеилось. Сережа звонил по телефону в клинику, тяжело пил, мрачнел и, уже провожая нас, сказал: «Так и не могу привыкнуть к смерти. Все мне кажется, что я виноват».

Странно, что, когда я переехал в Москву, почти перестал бывать дома у Сережи, хотя никакая кошка не перебежала нам дорогу. Ко мне, сколько я ни звал его и Зину, они так и не выбрались. К себе активно не приглашали. Навязываться не хотелось. Я понимал, как Сережа уставал в институте. И, наверно, уже началась смертельная болезнь. Правда, я виделся с Сережей почти каждый день в институте, но обычно лишь мельком. Стойкий 20-летний рефлекс — как только я в Москве — встреча в Сережином доме — угас, хотя я пытался его восстановить.

Сережа был не только блистательным нейрохирургом, но и мыслителем, хотя себя таковым не считал, как и не считал себя ученым. «Я прежде всего врач», — утверждал он. По меткому определению Михаила Юльевича Рапопорта, Федоров был «профессором из докторов». Когда Сережа, не становясь в позу, говорил, воспринималось — изрекал. Так афористичны и мудры были его оценки. Ему были свойственны поразительная интуиция, чувство сути человека. Характеристики, которые он давал коллегам, были удивительно точны, хотя порой и убийственны.

Я поражаюсь: читал Сережа мало, а знал много и всегда был на уровне практически в любом разделе современной нейрохирургии. Видимо, у него, как и у Александра Ивановича Арутюнова, была феноменальная способность все схватывать на лету и провидчески перерабатывать, а Институт нейрохирургии — уникальное место постоянной циркуляции научной информации и новых знаний.

Сережа не был оратором, не любил выступать, но когда волею обстоятельств оказывался за кафедрой, в зале становилось тихо, каждое слово Федорова ловили: говорил он всегда по сути, конкретно, аргументированно.

Писать Сережа не любил. Тянул несколько лишних лет с кандидатской диссертацией, посвященной модифицированным им методикам вертебральной ангиографии. Впрочем, была еще и иная причина задержки.

Зимой 1962 г., когда в институт привезли погибающего от тяжелой черепно-мозговой травмы академика Л.Д. Ландау, лечащим врачом назначили Федорова. Консультантов — и своих, и зарубежных — было много, а лечащий врач — один. Несколько месяцев Сережа жил в институте, безотлучно находился рядом с всемирно известным пациентом. Все, что решал консилиум звезд неврологии и нейрохирургии, выполнял Сережа, при этом многие острейшие вопросы вынужден был решать сам, беря на себя исключительную ответственность. Знаменитые физики-коллеги и ученики Ландау оценили высокий профессионализм Федорова. Полные признательности надежному доктору, без всяких просьб пообещали добиться присуждения ему Высшей аттестационной комиссией ученой степени кандидата медицинских наук по совокупности научных работ без защиты диссертации.

Академик Ландау выжил, выписался из института. Сережа стал героем очерков и фотографий в газетах, журналах, книгах. О нем было легко писать — эффектная внешность, сложная профессия, талантливый врач с фронтовым опытом работы, мужественная личность и совершенное им чудо — спасение Льва Давидовича, казалось бы, из безнадежного состояния. Но физики о своем обещании забыли.

Сережа напрочь был лишен карьерных начал. Всего достиг своим трудом, незаурядными способностями,

своими человеческими достоинствами, порядочностью. Он никогда не выдвигался сам — его выдвигали другие. Правда, был у Сережи один — по тем временам значительный — «изъян»: младший сын офицера из охраны Сталина оказался беспартийным.

Помню, как ко мне обратилась секретарь партбюро Института нейрохирургии: «Леонид Болеславович, вы друг Сергея Николаевича, прошу вас убедить его вступить в партию. Это нужно и для него, и для института. Дирекция и партбюро рекомендуют его на заведывание первой нейроонкологической клиникой. Ученый совет он, бесспорно, пройдет. А вот на уровне утверждения в Академии возникнут сложности, тем более что он еще и не доктор наук».

В те недалекие времена членство в КПСС было первой обязательной предпосылкой для занятия любой руководящей должности, даже для заведывания клиникой в академическом институте. Некоторые мои друзья-коллеги были вынуждены вступить в партию, чтобы занять административные посты в институте и не отдать его в чужие руки. Они были и оставались высокими профессионалами и порядочными людьми; считаю, что во имя дела они поступали правильно.

Я пообещал переговорить с Сережей, хотя знал, что это бесполезно. Так оно и вышло: «Лихтерман, иди ты подальше. Как будет — так будет, а вступать в партию ради должности я не стану». И тем не менее Бюро отделения клинической медицины, а затем и Президиум Академии медицинских наук СССР утвердили кандидата медицинских наук С.Н. Федорова руководителем 1-го отделения как прошедшего по конкурсу. Четверть века Сергей Николаевич Федоров в этом качестве пестовал собственную школу нейрохирургов в институте.

Многие годы Сережа формально не соответствовал своему реноме руководителя клиники. На 14 лет затянулось написание докторской диссертации — пионерского труда по хирургии базальных опухолей мозга. Видя мою «писучесть», Сережа искренне говорил мне и до, и после своей защиты: «Так не хватает тебя. На пару мы бы сотворили кучу приличных книг». Увы, Сережа не стал автором ни одной книги. Когда он хотел издать как монографию свою докторскую диссертацию, встретил критику, с которой не согласился. И, даже не пытаясь бороться, отказался от идеи. Характер.

Вернусь, однако, к защите докторской диссертации. Все друзья и сотрудники Сережи мечтали об этом дне. Сережа сам выбрал официальных оппонентов. Вместе с мэтрами нейрохирургии профессорами Иосифом Марковичем Иргером и Эфраимом Исааковичем Злотником в их число попал и я. Было это для меня неожиданно. Сережа предварительно меня не известил, а поставил перед утвержденным диссертационным советом фактом. Он был во мне уверен, и я, естественно, никогда бы не отказался от этой чести.

Неожиданно возникло маленькое «но». Я под 50 лет впервые в жизни уезжал за границу, и не на неделю, а почти на полтора месяца — в путешествие на корабле по Тихому океану и Юго-Восточной Азии. Не из-за страха за себя, а исключительно из-за ответственности перед Сережей, из-за боязни его подвести (а вдруг со мной что-либо случится), я написал пространный отзыв на диссертацию за четыре месяца до защиты и, лишь отправив его Сереже, успокоился.

Действительно, во время плавания были два момента, когда я мог пострадать. Первый — в Сингапуре, когда я вдруг оказался заложником собственной глупости: на ночном шопинге в Чайнатауне меня заперли в контейнере с джинсами. Второй — в Тихом океане, когда на обратном пути корабль настиг шторм — десятиметровые волны играли с «Феликсом Дзержинским» как с игрушкой, смывая все с палуб, громады воды выбивали иллюминаторы, пассажиры лежали из-за таких «качелей» и готовились к худшему, тем более что радиосвязь перестала работать. Но все завершилось благополучно, и я, целый и невредимый, полный ярчайших впечатлений, возвратился в Нижний Новгород.

Теперь я знал, что буду выступать на защите Сережи. Но что скажу интересного после таких авторитетных зубров, таких ораторов, как профессора И.М. Иргер и Э.И. Злотник? Позвонил Сереже. Он сообщил, что доволен моим отзывом, поступившим с таким опережением, и что у него конфликт с Иргером.

Сережа не был самоуверенным. Но себе цену знал и, если в чем-то был уверен, то твердо стоял на своем. Здесь уместно вспомнить один клинический случай, когда наши диагностические суждения разошлись. Как клиницист Сережа очень редко ошибался, а как тактик с честью выходил из самых невероятных запутанных ситуаций и в институте, и вдали от Москвы. В Горьковский нейрохирургический центр поступил 28-летний инженер с жалобами на сильную головную боль приступообразного характера. Я уловил в ней окклюзионный оттенок и, выявив при неврологическом обследовании мягкую мозжечковую симптоматику, предположил опухоль задней черепной ямки. Вызвал на операцию Сережу. Он, опираясь на температурные реакции и воспалительные изменения в крови, посчитал, что у больного церебеллит. «Операции здесь не нужно, полечи антибиотиками». Мы прислушались, но эффект оказался обратным, приступы нестерпимой головной боли учащались и утяжелялись, на глазном дне появились застойные явления. Я позвонил Сереже в Москву и настоял на отправке больного в институт. Вентрикулография с майодилом (дело было задолго до компьютерной томографии) подтвердила окклюзию на уровне IV желудочка. Операция стала неизбежной. Однако Сережа по-прежнему настаивал, что окклюзия воспалительного происхождения. Я же полагал, что опухолевого. При ревизии Сережа обнаружил

маленькую менингиому в зоне поперечного синуса с резчайшим отеком ткани мозжечка. Опухоль удалили. Этим ограничились, что-то удержало от вентрикулостомии по Торкильдсену. После операции Сережа остался при своем мнении, посчитав менингиому случайной находкой и видя в измененном веществе мозжечка доказательство воспалительного процесса. Мне же представлялось, что причина тяжелого состояния устранена и с ней должны уйти и грубые реактивные изменения мозговой ткани, данные гистологического исследования которой можно было трактовать двояко. Теперь только дальнейшее течение болезни могло подтвердить правоту Сережи или мою. Да разве дело в том, кто окажется прав в этой неординарной ситуации. Лишь бы больному стало лучше. К счастью, Сережиному и моему, инженер быстро поправился, женился, преуспел на службе и исчез с поля зрения, как это обычно бывает с теми, кто выздоровел.

На совершенно иной модели, но в подобной двоякой ситуации Сережа столкнулся со своим первым оппонентом И.М. Иргером. Иосиф Маркович — эрудированный нейрохирург, хорошо знакомый и с зарубежной литературой, посчитал, что предложенная Сережей анатомо-топографическая классификация парастволовых и базальных опухолей мозга требует определенной коррекции, и пригласил диссертанта, может быть в несколько повелительной форме, прийти к нему домой для обсуждения спорных вопросов. Сережа наотрез отказался, чем обидел старого ученого и поставил его в неловкое положение: «Леня, пойми, ну, что я к нему пойду, как провинившийся мальчик. В своей области я компетентней Иргера, и моя классификация проверена на огромном опыте института. Пусть пишет, что считает нужным, поспорим прилюдно, на защите».

Возможно, фактически Сережа был прав, кроме того, я убежден, его самолюбие задела императивная манера обращения Иосифа Марковича. «И все-таки, — ответил я Сереже, — идти следует по многим причинам: профессор Иргер на поколение старше тебя; в конце концов оппонент имеет право обсудить с диссертантом проблемы и до публичной защиты; не исключено, что, учитывая личный опыт Иосифа Марковича и как нейрохирурга, и как редактора многих книг, будет предложено нечто дельное. А на форму приглашения не надо обижаться — это уже особенности характера». Я здесь вспомнил, как в аналогичной резкой форме Иосиф Маркович, будучи заместителем главного редактора журнала «Вопросы нейрохирургии», позвал меня к себе домой для критики моей концептуальной футурологической статьи «Прогноз развития нейротравматологии до 2000 года».

Идти не хотелось, но я пошел. Я увидел профессорский кабинет, уставленный книгами по отечественной и мировой нейрохирургии, познакомился с толстой пачкой карточек «Бурденко смеется» — заготовок

для будущей книги об учителе (увы, так и ненаписанной). Разноса не было, а за чаем состоялась обстоятельная беседа о нейрохирургии и ее будущем. С критическими замечаниями Иосифа Марковича я где-то соглашался, где-то возражал. Расстались мы с ним очень тепло, а моя большая статья вскоре появилась на страницах журнала. «Все равно, Леня, не пойду», — ответил мне Сережа. И не пошел.

В день защиты в декабре 1980 г. конференц-зал института был полон. Сережу знали и любили в Москве многие, тема тоже влекла публику.

После добротного доклада Сережи и его ответов на вопросы выступил Иосиф Маркович с глубоким положительным отзывом. Но все же в нем прозвучало несколько упреков Сереже с каким-то горьким осадком. Сережа отвечал по существу, никак не реагируя на околонуучную фабулу. На банкет Иосиф Маркович не поехал. Второй оппонент Эфраим Исаакович Злотник искренне восхищался разработанными оперативными доступами и полученными результатами. Возражать ему не было надобности.

Что же оставалось сказать мне — третьему оппоненту и к тому же неврологу? Когда я выступаю на защитах, я никогда не читаю написанное, а свободно говорю на тему, соблюдая лишь общую канву отзыва. Я сосредоточил внимание на важности и перспективности развитой в труде Сережи концепции фазности течения нейрохирургической патологии применительно к базальным менингиомам. Тема мне очень знакомая и близкая, и, казалось, я сумел донести до аудитории прикладное значение таких сложных понятий, как «клиническая компенсация» и «клиническая декомпенсация», в исходах хирургических вмешательств. Выступили и несколько неофициальных оппонентов, также высоко оценивших диссертацию Сережи. Исход был предreshен: единогласно «за».

Банкет новоиспеченного доктора наук проходил у него на квартире. Стол был обилен, мест не хватало. И водка, и речи лились. Сережа был необычно возбужден (я потом понял почему: накануне у него онемели левые рука и нога, и он всерьез подумал, что не сможет выйти на защиту, а тут онемение исчезло, защита прошла великолепно, банкет проходит удачно). Подъехал председатель спецсовета, директор института профессор Александр Николаевич Коновалов. Сережа обрадовался и выдал ему свои рекомендации: «В типичных случаях давайте больше оперировать другим, а сами сосредоточьтесь на более высоких и нужных для института проблемах». Саша поморщился, криво улыбнулся и стерпел. Он так же, как и все друзья и почитатели Сережи, радовался свершению столь долгожданного акта.

Сережа был нейрохирургом с международным признанием, с открытой визой для срочного вылета в любую страну мира. Где только он не побывал, где только не оперировал — и в Южной Америке, и в Африке, и в Азии,

и в Австралии, и в Европе. Квартира его была полна сувениров со всего света. Никогда не забывал он и меня: из Алжира привез неврологический молоточек (не тот, что я у него когда-то не для себя выпросил), который вот уже 40 лет мой неизменный помощник в диагностике, из Камбоджи — статуэтку из дерева, из Австралии — оригинальный значок, из Перу — ламу с колечком для ключей... Я заслушивался его рассказами о дальних странствиях, Сережа раздвигал мои представления о мире.

Научные доклады Сергея Николаевича Федорова звучали на всемирных и европейских форумах нейрохирургов. Но главным его рабочим местом была первая операционная, а в промежутках между операциями — стол в ординаторской, где он сидел, курил, выслушивал рапорты врачей и сестер, беседовал с родными больных, руководил клиническими разборами, принимал решения. Для безотлагательных доверительных разговоров мы выходили с Сережей в коридор и, стоя у окна, обсуждали проблему.

Впрочем, в последние годы Сережа нередко саживал и в своем небольшом кабинете напротив ординаторской. Утопал в кресле и курил под подаренной ему бывшим больным картиной с типичным среднерусским пейзажем — розовый морозный день и устремленные к солнцу купола старинного храма. И когда я заходил к нему, все располагало к беседе, именно к беседе, а не стремительному обмену информацией, как бывало в ординаторской.

Мы обсуждали с ним все и всех. Сережа был всегда искренен и предельно откровенен. Я не хочу злоупотреблять его доверием ко мне и разглашать им сказанное. Но мне он раскрывал глаза на многое, чего я не знал и даже не предполагал. Я понял, какой пресс все время давил на Сережу. Он был чувствительнее и ранимее, чем это казалось со стороны. И, хотя он никогда не отрывался от земли с ее повседневными заботами и обязанностями, мне вдруг открылась его святость. «Такие, как Сережа, становились святыми», — думалось мне.

...Рак легкого настиг Сережу неожиданно. Незадолго до него такой же диагноз поставили нейрохирургу Эдуарду Канделю. Болезнь быстро набирала силу.

Свой диагноз и прогноз Сережа знал. «Что оперироваться, что не оперироваться — один конец», — говорил он. Но все-таки согласился на операцию, хотя особо и не надеялся. «Кормить семью надо», — объяснил свое решение, когда я навестил его в Институте онкологии им. П.А. Герцена. Торакальный хирург профессор А.Х. Трахтенберг успешно прооперировал своего коллегу.

Сережа прожил еще 5 лет, но у него уже не было прежних сил, похудел, поседел, мучала одышка, а характер, поведение, привычки остались прежними. Все прекрасно понимая, он вернулся к курению. Сережа был фаталистом. Тяжело переживал свои физические

ограничения, однако снова становился, хотя гораздо реже, к операционному столу.

Ему все труднее было высиживать на утренних конференциях, заседаниях ученого совета, на защитах. Но когда надо было, он преодолевал свою физическую немощность и не просто присутствовал, а остро выступал. Понимал, что жизнь уходит, но принципами своими не поступался.

Помню одно из последних его выступлений в конференц-зале. На расширенном заседании ученого совета обсуждался щекотливый вопрос о возвращении в институт научного сотрудника, покинувшего его несколько лет назад. Мнения были полярными. Пытаясь подавить одышку, Сережа сказал решительное «нет», аргументируя свое мнение фактами. С ним согласились.

Федорова высоко ценили всегда, хотя он бывал и «неудобным» профессором. Держался Сережа независимо от начальства, где-то даже подчеркнуто. Руководству это, естественно, не очень нравилось. Порой отношения между Федоровым и начальством становились напряженными, однако без всяких действий как с той, так и с другой стороны, на, так сказать, эмоциональном уровне.

Когда наступили последние, тяжелейшие годы его жизни, по существу инвалидизация после пульмонэктомии, а Сережа хотел и должен был работать («кто кормить будет семью», повторял он мне), проявились человеческие качества, которые отличают порядочных людей.

Александр Николаевич Коновалов и его замы повели себя не только гуманно, но и делали все так деликатно, что самолюбивый Сережа (подачек он бы не снес) не чувствовал какого-либо ущемления, мог продолжать руководить отделением до последнего своего дня. Это было бы невозможно осуществить, если бы желание «сверху» не смыкалось с подобным желанием «снизу». И нянечки, и сестры, и врачи отделения хотели того же, они все благодарно любили Федорова и были преданы ему. Клиника крепла, научные исследования расширялись и, сознавая свои ограничения, Сережа все же ощущал себя востребованным в этом деле.

Понимая, как много сделал Сережа для института, для нейрохирургии в целом, нельзя было не поддерживать его, предоставив индивидуальные условия работы. Знали: Федоров никогда не злоупотребит положением, но если не предоставить ему свободный режим, то он, будучи гордой личностью, подаст заявление об уходе либо сломается.

Вспоминаю эпизод, когда Александр Николаевич «переиграл» Сергея Николаевича. А.Н. Коновалов принимал самое активное участие в судьбе Федорова, навещал его в Институте онкологии им. П.А. Герцена и до, и после операции, был в курсе его состояния и настроения. Примерно через месяц после выписки

Александр Николаевич позвонил Федорову домой и в заключение беседы довольно строго сказал: «Учтите, что через две недели ждем вас на работе». Сережа сам мне рассказал об этом разговоре. «Леня, он же не представляет, в каком я состоянии. Работать? Да мне сейчас не у операционного стола стоять, а хотя бы немного на воле расходиться». Но в реакции Сережи я заметил и иное — глубокое удовлетворение: ждут, значит, верят в его возвращение в институт, в нейрохирургию. Александр Николаевич достиг важного психотерапевтического эффекта. Постарался и Саша Потапов («способный и очень работоспособный», по определению Сережи): за счет институтских средств организовал отправку Федоровых в подмосковный санаторий.

Все свои книги одному из первых я дарил Сереже. С нетерпением ждал его отзыва, даже волновался. Насупив брови, он просматривал мою монографию, застревая вначале на авторском коллективе, затем на отдельных моментах. Меня удивляло, как он быстро улавливал суть и точно оценивал качество материала, даже не прочитав книгу как следует. Скупой хвалил, иногда говорил только: «Ну, спасибо тебе». Я всегда радовался, когда Сережа просил у меня какие-либо разработки или методички для научных исследований своей клиники. Так было, например, с концепцией фазности клинического течения опухолей головного мозга.

Однажды Сережа обиделся на меня. Я принес в кабинет директора сигнальный экземпляр «Справочника по нейротравматологии» и показал Сереже. Он с интересом взял его, понюхал, как обычно, сказал несколько добрых слов и хотел унести. Я вынужден был остановить его. Он, не желая слушать объяснений, удалился с недовольным видом. Конечно, через несколько дней надписанный «Справочник» лежал у него на столе.

Сережа был скромным. К наградам и регалиям не стремился. И Государственная премия СССР за новый нейрохирургический инструментарий, и почетное звание «Заслуженный деятель науки России» пришли к нему благодаря хлопотам его коллег и друзей. Сам Сережа для этого пальцем о палец не ударил.

Любопытная сложилась ситуация с «Заслуженным деятелем науки». В институте все считали, что Сережа давно имеет это почетное звание. И совершенно случайно, когда мы с Яшаром Керимовичем Гасановым, нашим заместителем директора по социальному развитию института, в апреле 1995 г. обсуждали, как отметить юбилей профессора Федорова, вдруг всплыло, что Сергей Николаевич не имел звания «заслуженного». Колесо представления закрутилось, и к юбилею Сережи в августе Президент России успел подписать Указ о присвоении профессору Федорову Сергею Николаевичу почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» — за многолетнюю безупречную работу, большой вклад в развитие медицинской науки и подготовку кадров.

1995 г. был для Сережи годом крупных дат — своего 70-летия, 50-летия Победы, особенного для него — раненого фронтовика, 5-летия жизни после операции и, увы, годом его кончины.

Сережа любил, когда я выступал в роли тамады (я был им и на его 50-летию, и на его 60-летию). Он хотел, чтобы я вел и 70-летие. Его дочь Аня спросила меня, буду ли я 17 августа у них на даче. Я ответил, что не смогу, уезжаю в Ялту, так как связан давно возложенными на меня серьезными обязательствами. 16 августа ночью из Крыма послал поздравительную телеграмму. Но разве это то, чего хотел Сережа? До смерти оставалось чуть больше трех месяцев.

Декомпенсация наступила как-то сразу в конце октября. Помню мою последнюю встречу с Сережей. Я знал, что его состояние уже безнадежное. Позвонил Зине, чтобы узнать, могу ли ненадолго прийти к Сереже. Он пожелал видеть меня. Вместе с фруктами я принес ему только что выпущенную под моей научной редакцией замечательную книгу Петера Дууса «Топический диагноз в неврологии».

Сережа лежал у окна с тяжелой одышкой, вконец изможденный, бледный, почти прозрачный. Он улыбнулся мне, протянул худющую руку и спросил: «Опять что-нибудь написал?» Я отдал ему книгу Дууса.

Он, к моему удивлению, как обычно перелистал книгу и удовлетворенно сказал: «Стоящее дело». Находившийся рядом анестезиолог попросил Сергея Николаевича дать ему книгу на несколько дней. Сережа ответил: «Только при одном условии — по рублю за час». «Почему так дешево? Я готов заплатить и больше», — всерьез ответил ему врач. Сережа рассмеялся, как ребенок. Желая его развлечь, я сказал: «Меня грозят судить за предисловие, в котором я описал, как издательство «Медицина» чуть не сорвало перевод и издание ценнейшего руководства». «За такую книгу стоит и пострадать», — утешил меня друг.

Я чувствовал, как ему тяжело держать себя в разговоре, и собрался уходить. «Леня, прошу тебя. Передай всем коллегам в институте, чтобы не навешали меня. Я не хочу, чтобы меня видели в таком жалком состоянии. А умирать я приеду в институт, тогда со всеми и свижусь». И действительно, вечером накануне смерти Сережу с его согласия привезли в реанимацию *alma mater*. Он был мужественным и критичным к себе до конца. Когда стали срочно налаживать «букет» капельниц, он четко сказал: «Бесполезно». К утру его не стало.

У гроба Сережи в переполненном конференц-зале института выступали А.Н. Коновалов, Ю.М. Филатов, А.П. Фраерман, Н.С. Абаймова, Т.О. Фаллер и многие другие.

Сказал свое слово и я.

Уважаемые коллеги, друзья! Дорогие Зина, Елена, Анна, Николай Николаевич, Сережа Федоров-младший,

родные и близкие! Сегодня скорбный день — прощание с Сергеем Николаевичем Федоровым, выдающимся нейрохирургом, талантливым, обаятельной личностью.

Сергей Николаевич — звезда первой величины в блистательной плеяде, в ярком созвездии современных нейрохирургов России. Федоров, как и Коновалов, и Сербиненко, и Филатов, и Габиров, и Васин, пришел в нейрохирургию, в наш институт в 50-е годы, и вскоре они достойно взошли все вместе на нейрохирургический небосвод на смену своим учителям — Егорову, Арндту, Арутюнову, Корейше, Тэриану, Кадину, Шлыкову... Естественная эстафета поколений и дальнейшее развитие нейрохирургии, основоположниками новых направлений которой теперь стали они сами, создав свои собственные школы.

Увы, не только восходят, но и закатываются звезды нейрохирургии — внезапно от инфаркта, как Васин и Габиров, или мучительно долго, как Кандель и Федоров.

Заболев, Сергей Николаевич со свойственной ему образностью говорил своим друзьям: «Я — как приговоренный к смертной казни, но только с долгой и мучительной отсрочкой ее исполнения». Нейрохирург, спасший тысячи больных, вынес и этот тяжкий крест страданий больно-го. Истощенный до предела физически, Сергей Николаевич до последнего дня оставался прежним — критичным к себе и к другим, мудрым и проницательным, добрым и справедливым, стойким и стеснительным.

Федоров всего достиг своим талантом и собственным горбом. Был первопроходцем во многих разделах современной нейрохирургии.

Для меня, как для многих в институте, он был высший судья. Что скажет Федоров? Как оценит Федоров? Его немногословное одобрение придавало уверенности в правоте, разумеется, не только клинической. У него мы учились растерянными качествам — достоинству, независимости, свободе, гордости, самоуважению.

Федоров ушел — Федоров остался. И спасенные им больные, и ученики в России и других странах, и крепкая

клиника, и большая семья, и друзья, и благодарная память истории отечественной нейрохирургии.

Говорят, нет незаменимых. Нет, если иметь в виду место, должность. Но Федоров, если иметь в виду личность, — незаменим для института. Спасибо природе, что подарила нейрохирургии, нам всем Сергея Николаевича Федорова. Прощай, Сережа! Спи спокойно и до встречи, друг.

После гражданской панихиды Сережу отпевали в храме Святителя Николая-чудотворца. Храм, потеснив научную библиотеку института, расположился как раз над его операционной, тоже бывшей частью дореволюционной церкви. Здесь многие годы нейрохирургический бог — профессор Сергей Николаевич Федоров, забыв о себе, спасал больных от опухолей мозга и других опасных болезней нервной системы. Тело и душа. Когда мы болеем, то и Бог болеет.

Хоронили Сережу далеко от Москвы — в Абрамцево, где у него дача и где на кладбище лежат его родители. Ноябрьский день выдался необычно ясным, солнечным и морозным. Все страшно замерзло, но никто не уходил. Переминались у свежей могилы. Помянули и чуть согрелись. Юра Филатов, глядя на уходящие в синее небо припорошенные снегом высокие ели, сказал: «Как хорошо, что Сережка — такой истинно русский человек — будет лежать среди любимой им русской природы».

Знаешь ли ты, Сережа, что я исполнил твоё желание — был тамадой... но, увы, уже на твоих поминках. Мне предложили, и я, понятно, не отказался. И вел это скорбное собрание в холодном клубе института. Все, кто пришел, говорили о тебе проникновенно, вспоминая те нити, которые их связывали с тобой, и те истории, которые знали только они и только ты. И так ты вновь явился нам во всем своем благородном сиянии...

Проф. Л.Б. Лихтерман